

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-МЕМОРИАЛЬНЫЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК А.П. ЧЕХОВА «МЕЛИХОВО»

ЧЕХОВСКАЯ КОМИССИЯ СОВЕТА ПО ИСТОРИИ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЧЕХОВСКАЯ карта мира

Материалы международной научной конференции.
Мелихово 3–7 июля 2014 г.

Мелихово
2015

ЗЕМСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

А. П. ЧЕХОВА

А. П. Кузичева
(РОССИЯ)

В огромной литературе о жизни и творчестве Чехова тема «Чехов и земство» обделена пристальным вниманием исследователей¹. Хотя упоминание об участии писателя в строительстве земских школ, в мероприятиях земства по борьбе с холерой давно стало общим местом. Особенно в юбилейных речах и статьях.

Говорить о полной неисследованности этой темы не позволяют публикации краеведов и сотрудников музеев, носящих имя Чехова². Авторы не задавались целью всесторонне осветить проблему «Чехов и земство», но их работы создали серьезные предпосылки для постановки и решения вопроса: «Чехов и Серпуховское земство». Конкретная и ограниченная хронологическими рамками (1892–1898: годы жизни Чехова в Мелихове), она сложна и подразумевает, в частности, выявление того, какими предстают земство и земцы в сочинениях и переписке писателя, какие его суждения на этот счет сохранили дневники, письма и мемуары современников, какие реальные житейские впечатления по этому поводу встречаются в записных книжках и дневниковых записях Чехова. Таких впечатлений было немало еще до переезда писателя в Мелихово.

В 1888 году он делился в письме к Д. В. Григоровичу замыслом романа, который «захватывает целый уезд (дворянский и земский), домашнюю жизнь нескольких семейств» (П., 2, 174). До этого уже были летняя студенческая практика в Чикинской

земской больнице (г. Воскресенск, под Москвой), краткая служба в 1884–1885 гг. в Звенигородской уездной земской больнице в степени лекаря, знакомство с земскими врачами.

В это время Чехов не исключал для себя участи провинциального медика: «Живу в Звенигороде и вхожу в свою роль. <...> Придется удрать в дебри в земские эскулапы... Милое дело!» (П., 1, 119), хотя чуть ранее он упоминает в одном из писем: «Предлагали мне место земского врача в Звенигороде — отказался» (П., 1, 115). В 1884 г. Чехов был утвержден определением Университетского совета в звании уездного врача. Через несколько лет он задумывается о переезде в уезд: «Если я врач, то мне нужны больные и больницы; если я литератор, то мне нужно жить среди народа <...>. Нужен хоть кусочек общественной и политической жизни, хоть маленький кусочек, а эта жизнь в четырех стенах без природы, без людей, без отечества, без здоровья и аппетита — это не жизнь, а какой-то <...> и больше ничего» (П., 4, 287).

На такое решение могли повлиять в числе прочих причин поездка в это время в Нижегородскую губернию вместе с давним знакомым, земским начальником Е. П. Егоровым. Они ездили по деревням, и Чехов видел, как поставлено дело помощи голодающим на местах, в том числе усилиями земцев. Таким образом, впечатлений, знакомств и собственного участия в земской деятельности у Чехова уже было достаточно. Но главное началось сразу с переездом в Мелихово весной 1892 г.

Ему выпал не «маленький кусочек» общественной жизни, не просто жизнь «среди народа» в буквальном смысле (усадебная почти примыкала к крестьянским избам), а каждодневное участие в деревенской жизни, когда он находился дома: тысячи больных, принятых на усадьбе, осмотр вместе с коллегами, земскими врачами, входившими в Серпуховской земский Санитарный совет, промышленных предприятий и т.п.

Почему же «течение мелиховской жизни» не исследовалось сквозь призму земской деятельности Чехова, как феномен его жизни и творчества? Может быть, от недостатка документаль-

ных свидетельств, пропавших в довоенные и военные годы, а что-то не найдено или пока недоступно. Не исключено, что глубокому изучению этого феномена мешает исследовательская «иерархия», что считать главным, первостепенным, а чему находиться на периферии интереса. Так, например, в недавно вышедшей энциклопедии «Чехов» нет статьи на эту тему. Будучи постоянно на слуху как общеизвестный факт, она, по существу, изучена мало и сводится в лучшем случае к выявлению и документальному подтверждению самих фактов участия Чехова в земской деятельности. Конечно, изучению непростого, неоднозначного отношения Чехова к земству не способствовало и то, что в отечественной науке земство, кажется, не пользовалось по разным причинам особым вниманием по сравнению с другими общественными институтами, хотя последние десятилетия отмечены работами, посвященными российскому губернскому и уездному земству³. Однако история Серпуховского земства до сих пор не написана.

Земство возникло как форма местного самоуправления в 1864 г. по воле императора Александра II. В 1890 г. по воле Александра III было пересмотрено Положение о губернских и уездных земских учреждениях. Определили, что они «ведает дела о местных пользах и нуждах»⁴, в числе которых — земские повинности (денежные и натуральные); помощь населению продовольствием «разрешенными законными способами»; забота о дорогах и пристанях; устройство и содержание земской почты; страхование скота и имущества; земские лечебные и благотворительные заведения; попечение о призрении бедных, умалишенных, «сырых и увечных»; попечение о народном образовании; помощь местной торговле, промышленности и земледелию; улучшение устройства селений и противопожарных средствах и т.д. Земства могли открывать «склады «для продажи земледельческих орудий и машин, а также посевных семян, искусственных удобрений»⁵.

Дневник отца Чехова, который он ежедневно вел в Мелихове, письма Чехова и письма к нему из Серпуховской земской управы, а также письма от земских учителей, врачей,

служащих не только Серпуховского уезда, но из Таганрога, из других городов, — всё это являет картину и масштаб участия Чехова в земской жизни. Нет ни одного из перечисленных дел, включая попечение об умалишенных, которое обошло бы его на протяжении семи мелиховских лет:

1892 — сбор пожертвований в помощь голодающим; работа земским врачом во время угрозы холеры; практическое участие в работе Серпуховского санитарного совета (осмотр фабрик, на которых нарушались санитарные правила); прием больных (более тысячи).

1893 — участие в работе Санитарного совета; прием больных на временном Мелиховском участке, открытом по инициативе Чехова на его усадьбе: «Я опять участковый врач и опять ловлю за хвост холеру, лечу амбулаторных, посещаю пункты и разъезжаю по значным местам. Не имею права выехать из дому даже на два дня. Холеры в моем участке еще не было» (П., 5, 221).

1894 — Чехов избран гласным Серпуховского земского собрания на три года; продолжает участвовать в работе Санитарного совета; утвержден попечителем Талежского сельского училища: «Учитель получает 23 р. в месяц, имеет жену, четырех детей и уже сед, несмотря на свои 30 лет. До такой степени забит нуждой, что о чем бы Вы ни заговорили с ним, он всё сводит к вопросу о жалованье» (П., 5, 339).

1895 — помощь крестьянам в приобретении сельскохозяйственной техники; пожертвования Талежской школе (новые парты, 100 р. на нужды школы); покупка противопожарного оборудования для мелиховских крестьян; пожертвование в пользу будущего почтового отделения в Лопасне; помощь погорельцам в получении страховки за сгоревшие избы; помощь крестьянам в страховании скота.

1896 — избран помощником предводителя дворянства по школьному делу; организует и осуществляет строительство нового здания земской школы в Талеже, вкладывая в стройку значительные личные средства; продолжает участвовать в работе Санитарного совета.

1897 — организует и осуществляет строительство нового здания земской школы в селе Новосёлки (личный вклад Чехова около 1500 р.); утвержден по ходатайству крестьян попечителем земской школы в селе Чирково; продолжает помогать крестьянам в страховании имущества и скота; участвует в работе Санитарного совета; делает пожертвования в пользу Талежской школы (мебель, оплата сторожа, уборки помещения, подарки детям на Рождество); утвержден Серпуховской земской управой в должности заведующего на общественных началах будущей Хатунской народной библиотекой; снабжает книгами несколько уездных земских школ; жертвует 100 р. на планируемое проведение шоссе Лопасня — Хатунь. Отвечает согласием на намерение Таганрогского Училищного совета избрать его Почетным попечителем всех церковно-приходских и земских школ Таганрога: «Чем богат, тем и рад и, если буду жив и здоров, сделаю всё, что в моих силах — материальных и духовных» (П., 7, 72).

1898 — продолжает участвовать в работе Серпуховского санитарного и училищного советов; хлопочет об открытии земской школы в Мелихове; жертвует 100 рублей в пользу Общества взаимного вспомоществования учащим и учащимся в начальных школах Серпуховского уезда; избран Почетным членом этого Общества. Известно, что в эти годы Чехов намеревался застраховать жизнь земских учителей из окрестных школ, а также отдать часть своей земли под земскую больницу.

Если составить документальную подневную хронику дел, поездок, хлопот Чехова, связанных с просьбами земства или добровольно взятых им на себя и осуществляемых в мелиховские годы, то эта своеобразная «земская летопись» поможет ответить на вопрос: был ли огромный тяжелый труд вызван стечением обстоятельств или свойствами личности Чехова, и почему «маленький кусочек» общественной жизни стал сердцевиной жизни Чехова в эти годы, жизни, неотделимой от творчества.

Обзоры Серпуховской земской санитарно-врачебной организации уточняют, на каких заседаниях Совета был Чехов,

в каких комиссиях состоял, с кем из коллег пытался приостановить загрязнение рек промышленными отходами и т.д.⁶ Но для уяснения деятельности Санитарного совета и роли в нем Чехова важен контекст, знание того, что входило в задачи и обязанности его членов, понимание возможностей и реальных результатов их деятельности, сопоставление с работой Советов в соседних уездах, т.е. изучение обширных материалов, хранящихся в том числе в Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ). Так, например, среди прочих многочисленных документов, в нем находятся отчеты ветеринарных врачей, в частности отчеты В. С. Глуховского, помогавшего Чехову в делах страхования. Эти материалы проясняют, какую документацию вел Чехов в связи со страховкой. Может быть, она отыщется когда-нибудь, пополнив свод автографов писателя.

Данные из фондов этого архива об уездных земских школах, отчеты земских учителей и другие многочисленные документы рассказывают о состоянии народного образования в Серпуховском уезде в 1890-е годы и проливают дополнительный свет на решение Чехова выстроить новые здания в Талеже, Новосёлках и Мелихове. Переписка Чехова с талежским учителем А. А. Михайловым и новоселковским учителем Н. И. Забавиным восстанавливает хронику этой многолетней строительной страды: расчёты с подрядчиками, плотниками, землекопами, печниками; поездки на склад за материалами; переписка с земством по поводу ссуды и аванса и т.д.

Вместе взятые, эти документы приоткрывают жизнь Чехова «среди народа», в которой бывали минуты скрытого гнева и невольного раздражения, ощущения собственной беспомощности.

Зимой 1897/1898 гг., Чехов, находясь в Ницце, узнал из письма Михайлова о наветах местного священника П. В. Величкина. Подговорив местных мужиков, ссылаясь на их лживые свидетельства, тот обличал учителя в вольнодумстве и нерадении, строчил жалобы в земство и донесения своему церковному начальству. Заступничество Чехова,

когда он вернулся домой, не предотвратило перевода учителя в другую школу, но помогло ему получить хорошее место в Серпуховском городском училище. Но поп был недоволен и преемницей Михайлова, и теперь уже в Ялту, куда Чехов уехал в 1898 г., полетели слезницы учительницы А. А. Анисимовой, взывавшей к попечителю. В 1900 г. Чехов написал из Ялты председателю Серпуховской земской управы Н. Н. Хмелеву, что хотел бы сложить с себя это попечительство, объяснив просьбу своим нынешним местожительством: «Затем постоянные дразги в Талежск<ом> училище. Поп, мужики, бьющие стекла, г-жа Анисимова со своим характером <...> полное невнимание управы <...> всё это утомило меня и портит мне нервы. <...> Не могу больше!!! <...> Я не боец, и мне попечительство не по характеру, эти все дразги, письма, которые я получал и получаю, всё время давили меня, как кошмар» (П., 9, 48).

Судя по всему, Величкин был из тех, кто полагал, что крестьянским детям можно обойтись азами грамоты и начатками арифметики. В российской периодике не затухала полемика между сторонниками церковно-приходских и земских школ. Правительственные чиновники тоже относились с подозрением к народным училищам, к неофициальной просветительской заботе. В 1895 г. министр внутренних дел И. Н. Дурново делился с министром народного просвещения И. Д. Деляновым своей тревогой в связи с общественной деятельностью на ниве народного просвещения: распространение дешевых книг, учреждение при земских школах библиотек, доступных не только ученикам, но и взрослым. По мнению министра, это неофициальное попечение нуждалось в неусыпном контроле. Приведя письмо в своем дневнике, В. Г. Короленко иронизировал: «Выходит, что “существующему строю” весьма опасна всякая общественная инициатива, даже в деле обучения народа грамоте и чтению <...>. Если верить этому, — то в России приходится решительно выбирать между самодержавием и просвещением народа. Даже дважды процenzурованная книжка (т.е. процenzурованная и “одобренная”) всё еще несет

в себе зародыш гибели “вековечных” русских начал. Хороши, однако, начала»⁷.

В числе таких «опасных» людей был и писатель Чехов, радовавшийся за библиотеки при земских училищах, снабжавший их по просьбе учителей своими книгами и изданиями, в том числе издательства «Посредник», упомянутого министром, о чем свидетельствует его переписка с земской учительницей Е. Д. Ильинской. Эта переписка, дополненная сведениями из отчетов уездных земских учителей, приобретает значимый фон и глубину. В фондах ЦИАМа можно почерпнуть данные о школьных библиотеках, их состоянии, о количестве и составе книг, а также о семейном положении учителя, социальном происхождении, месте обучения. Здесь же планы школьных зданий, сведения о расходах на содержание школ (жалованье учителя, сторожа, отопление). В отчете Е. Д. Ильинской, поступившей в 1895 г. на службу в Ермоловское училище, упомянуто, что недостает учебников, нет сторожа, что нужен приют для детей из дальних сел и деревень, так как дети в непогоду пропускают занятия, у них нет теплой одежды.

Как раз в 1895 году Чехов, рассказывая А. С. Суворину о деревенской жизни, закончил письмо словами: «Откладывать просвещение темной массы в далекий ящик, это такая низость!» (П., 6, 54). В. Н. Ладыженский запомнил слова Чехова, что «по-настоящему нужны не школки с полуголодным учителем и не аптечки, а народные университеты»⁸. Когда он прочел почти те же самые слова, сказанные от имени художника, в рассказе «Дом с мезонином», то не удивился, а обрадовался.

«Полуголодное» существование земских учителей запечатлено в горькой, сдержанной, выразительной записи Чехова в записной книжке, предшествовавшей рассказу «На подводе»: «Учительница в селе. Из хорошей семьи. Брат где-то офицером. Осиротела, пошла в учительницы по нужде. Дни за днями, бесконечные вечера, без дружеского участия, без ласки, личная жизнь погибает; удовлетворения нет, так как некогда подумать о великих целях, да и не видать плодов... <...> Огрубела, застыла... Вставала уже при входе инспектора или

попечителя и говорила о них: они. Поп говорил ей: всякому своя доля, прощайся: рандеву... Доля» (С., 17, 49).

М. М. Ковалевский, встречавшийся с Чеховым в Ницце осенью 1897 г., в то самое время, когда он работал над рассказом «На подводе», запомнил его слова: «“Я, живя в Московской губ<ернии>, на десятки верст в окружности знал чуть ли не каждую избу и мог поэтому писать о том, что видел и слышал”. Другой раз он сообщил мне о том, что намеревается избрать предметом своего ближайшего рассказа или повести сельского учителя, одного из несчастнейших, по его мнению, людей в России. “Я знаю, — прибавил он, — в мельчайших подробностях судьбу 30–40 учителей моей местности, и поэтому в моем рассказе не будет ничего выдуманного”»⁹. Это признание подтверждает то, о чем Чехов писал А. С. Суворину годом раньше в связи с данным поручением — написать отчет об училищах: «Я готовлю материал для книги вроде “Сахалина”, в которой изображу все 60 земских школ нашего уезда, взявши исключительно их бытовую хозяйственную сторону. Это земцам на потребу» (П., 6, 652).

Некоторые детали из рассказа «На подводе» (например, о богатом помещике Ханове, попечителе одной из земских школ, жертвующем «одни только глобусы» и искренно считающем себя «полезным человеком и видным деятелем по народному образованию. А кому нужны тут его глобусы!»; уподобление героиней своей жизни «длинному, тяжелому, странному сну») приобретают еще большую выразительность в контексте сведений из печатных и архивных документов: министерскими циркулярами, предписаниями директора народных училищ Московской губернии и Московского учебного округа, данными о пожертвованиях попечителей. Наряду с расходами на необходимое (покупка дров, школьной мебели, ремонт здания) часто благодеяние ограничивалось преподнесением портретов царствующих особ.

Чехов отдавал отчет в реальных возможностях земства и в отношении к нему государственных чиновников, не раз сталкивался с недобросовестностью земских служащих.

Впечатляет его дневниковая запись об «участии» земского начальника К. А. Голяшкина в переписи 1897 г.: «живет почти всё время в Серпухове. Ужинает там в собрании и телеграфирует мне, что он болен. Про других земских начальников нашего уезда говорят, что они ничего не делают» (С., 17, 224). В этой же записи отмечен добросовестный труд рядовых счетчиков, каковыми были работавшие безвозмездно земские учителя, врачи, писари.

На собраниях Серпуховского земства, на заседаниях комиссий и комитетов, в которые входил Чехов, в конкретных делах он наблюдал и тех земцев, кто манкировал обязанностями, кто имел в виду не «пользу и нужду» местного населения, а свой личный, порой корыстный, интерес или тешил амбиции. В университетском человеке, члене земской управы Андрее Прозорове («Три сестры»), не балующем службу своим присутствием, но получающем за нее жалованье; в Лидии Волчаниновой, кажется, более всего воодушевленной намерением составить в местном земстве сильную партию, чтобы победить председателя управы, раздавшего все должности своим родственникам и делающего в уезде, что захочет («Дом с мезонином»), угадываются их возможные прототипы из мелиховского окружения Чехова.

Борьба «партий» в Серпуховском земстве в 1890-е годы прослеживается по переписке Чехова, по сохранившимся печатным и архивным материалам. Так, в октябре 1896 г. на ежегодном заседании возникла полемика по поводу устройства в уезде новых фабрично-заводских медицинских пунктов. Некоторые гласные высказались против, заявляя, что это повлечет «непосильные для земства расходы». Сосед и добрый приятель Чехова, член земской управы в эти годы, князь С. И. Шаховской, доказывал, что больших трат не будет. Но решение вопроса отложили, а самого Шаховского на выборах в следующем году «прокатили», не достало одного голоса, и «партия С. Т. Толоконникова» провела в управу своего человека, о чем Чехову в письмах в Ниццу рассказали с огорчением его серпуховские знакомые.

Эти документы («журналы» земских собраний, протоколы заседаний губернских комитетов, ведавших санитарными и дорожными делами), мало изученные с точки зрения земской деятельности Чехова, восстанавливают, в частности, историю проведения шоссе до Мелихова, о чем хлопотал Чехов. Здесь списки жертвователей и суммы их добровольных взносов, в том числе Чехова, В. Н. и Е. М. Семенковичей, И. А. Вареникова, А. А. Михайлова, священника Н. Ф. Некрасова, крестьян, лавочников, т.е. людей из ближайшего мелиховского окружения писателя. Эти материалы дают представление о борьбе интересов вокруг планов проведения шоссе. Или, например, споров в связи с организацией Крюково-Угрюмовского пункта: бесконечные обсуждения, уточнения, возражения и т.п.¹⁰

Письма к Чехову серпуховских земцев (П. И. Куркина, И. Г. Витте, В. С. Глуховского, Е. Д. Ильинской, А. А. Кашинцева, В. А. Павловской, И. М. Серикова, Н. Н. Хмелева, В. Е. Чельцова, В. И. Яковенко и др.) рассказывают о будничных заботах и трудностях земцев, тем не менее использовавших даже такую возможность для реального попечения о местном населении. В любой момент права земства могли быть урезаны.

Чехов, внимательно читавший газету «Новое время», не пропустил отчет о приеме 17 января 1895 г. в Зимнем дворце. Депутации от дворянства, казачьих войск, губернских и уездных земств, городов и станиц поздравляли Николая II по случаю бракосочетания. В ответной речи государь благодарил представителей российских сословий, однако счел важным подчеркнуть: «Но мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земств в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что Я, посвящая все силы благу народному, буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный Родитель»¹¹.

Комментируя эту оговорку — «бессмысленные» вместо «беспочвенные», В. Г. Короленко записал в дневнике: «Конец недоразумениям и маниловским упованиям русского обще-

ства! <...> Ошеломляющее значение <...> заключается, разумеется, не в том, что теперь нельзя ждать конституции. На это очень мало кто и надеялся. Но огромное большинство общества ожидало начала более либерального периода, ожидало расширения прав самоуправления хотя бы в местных делах, ожидало скромного права для земства — представлять свои ходатайства непосредственно государю, как это делает дворянство. <...> Теперь эти скромнейшие пожелания названы “бессмысленными мечтаниями”, — и новое царствование начинается с категорического и резкого их отрицания. Факт этот может иметь огромные и роковые последствия. <...> Теперь можно ожидать, что всё реакционное, всё бюрократическое и даже всё нейтральное — шарахнется от слов царя — в сторону административной опеки и произвола, и земство потеряет даже те незначительные точки опоры, которыми еще держалось. <...> Администрация ими (словами царя. — А. К.) окрылится для наступления на закон и на самоуправление, а земцы и думцы опустят нос: ведь теперь самые скромные попытки могут быть приравнены — к покушениям на участие во внутреннем управлении. Как бы то ни было — всероссийское недоразумение кончилось»¹².

Свое отношение к речи царя Чехов передал ироническим пассажем в письме к А. С. Суворину от 19 января 1895 г.: «Когда уляжется всеобщее ликование по случаю великих радостных событий, напишите мне. Интересно бы понаблюдать, каково будет похмелье, то состояние перегара, когда человек чувствует себя разбитым и виноватым и смутно сознает, что накануне он вел себя оскорбительно. Напишите мне подробно и поязвительней, и это для Вас тем легче, что Вы теперь volens-polens наблюдаете каждый день и, вероятно, уже чувствуете раздражение» (П., 6, 14–15).

Понимание Чеховым отношения власти к земству и положения земства передано в одном из эпизодов повести «Три года», вызревание замысла которой оставило заметный след в записных книжках писателя. Написанная в 1894 г., она появилась в журнале «Русская мысль» как раз зимой 1895 г.

Федор Лаптев говорит брату Алексею: «Не мудрствуя лукаво, баллотироваться-ка в гласные, мы помаленьку да полегоньку проведем тебя в члены управы, а потом в товарищи головы. Дальше — больше, человек ты умный, образованный, тебя заметят и пригласят в Петербург — земские и городские деятели теперь там в моде...» (С., 9, 56). Словечко «в моде» и то, что так думает душевнобольной человек, с явными признаками помешательства, выдают скрытую иронию автора. На самом деле «мода» на земство «там», в столице, уже давно прошла. Конечно, не случайно на упомянутом приеме дворянские и казачьи депутации располагались по правую руку от государя, а депутации от земств и городов — по левую.

«Всероссийское заблуждение» кончилось, но работа, большая и малая, продолжалась. В том числе и в Серпуховском земстве. К прочим земским занятиям Чехова прибавилось еще одно, остающееся до сих пор, по существу, неисследованным.

Давно признано, что земская статистика — один из важных исторических источников. Среди них труды, созданные земцами из окружения Чехова¹³. В них достаёт сведений о деятельности земства в Серпуховском уезде, об экономическом и медицинском развитии уезда накануне нового столетия. В одном из изданий приведены списки корреспондентов Московской губернской земской управы, доставлявших хозяйственно-статистические сведения. По Серпуховскому уезду указан, в частности, в 1895 г. И. А. Вареников, непосредственный мелиховский сосед Чехова¹⁴. В списке за 1896 г. указан еще один сосед — В. Н. Семенович. И здесь же — фамилия П. Е. Чехова, отца писателя. Она упомянута и в ежегоднике за 1898 г.¹⁵

В фонде губернского земства есть материалы с метеорологическими наблюдениями корреспондентов. Они содержат сведения о погоде, посевах, урожае, ценах, прилете и отлете птиц и попутно краткие высказывания о местной хозяйственной жизни (о промыслах, об оттоке рабочей силы из деревни в город и т.п.). Некоторые рукописные отчеты напоминают страницы мелиховского дневника П. Е. Чехова

с записями, наподобие таких: «снег идет хороший», «снег тает», «пасмурно весь день», «ночью месяц и звезды, небо чисто», «метель и ветер» и т.п. и т.д. Среди добровольных корреспондентов, безвозмездно выполнявших эту работу, — священники, помещики, крестьяне, земские учителя, почтовые чиновники.

Наблюдатели получали из земской управы печатные бланки, заполняли их и посылали обратно. Их просили по возможности указывать в примечаниях «выдающиеся бытовые и экономические явления в жизни местного населения за соответствующий месяц (продажа скота, падеж скота, покупка хлеба, усиленная продажа продуктов, упадок или оживление заработков, резкое изменение цен и т.п.)». Сохранились бланки за 1899 год, заполненные И. А. Варениковым, с подобными отдельными примечаниями. Например, в январе он пишет, что из-за бесснежной зимы у крестьян, занимавшихся возкой дров, упал заработок. В сентябре он записывает, что в лавках поднялись цены на муку, так как из-за дождей стояли мельницы, и хотя рожь уродилась, смолоть ее не получалось, и мужики занимали друг у друга хлеб «ломтями», пока торговцы не подвезли муку¹⁶.

П. Е. Чехов, вероятно, переносил в бланки свои наблюдения над погодой, температурой, т.е. то, что он отмечал в дневнике. Можно даже предположить, с какого времени он наверняка стал посылать свои отчеты в земскую управу: сентябрь 1895 года, когда уже измерял температуру за окном утром, днем и вечером¹⁷. В сентябре 1897 г. он записывает в дневнике: «Послана книжка в М<осковскую> Г<ородскую> З<емскую> Управу в Статист<ическое> отделение сведения»; 3 июня 1898 г.: «Послана книжка в Московскую Городскую Земскую управу о Земледелии»; 21 июня того же года: «Получена книжка из Московской Городской Земской Управы»¹⁸. Таким образом, П. Е. Чехов посылал свои наблюдения в Москву, что объясняет появление его фамилии в списках земских корреспондентов. Где могут находиться эти бланки? Куда их посылали из губернской земской управы?

Метеорологическими сведениями интересовались в это время обсерватория Московского сельскохозяйственного института, здесь велась переписка с корреспондентами и среди материалов, хранящихся в ЦИАМе, есть письма из Серпуховского уезда. Врач В. И. Яковенко, учитель Хатунского училища А. В. Ремизов, лесничий К. Н. Смирнов отказались стать корреспондентами из-за большой служебной занятости. Метеорологические сведения доставлялись также в Главную физическую обсерваторию в Петербурге; в Императорское Географическое общество в Петербурге; в Московскую губернскую управу; в Метеорологическое бюро, существовавшее в составе Министерства земледелия и государственных имуществ в Петербурге; в Императорское Московское общество сельского хозяйства. Взаимоотношения этих государственных, земских и общественных организаций в связи с российской метеорологической сетью и службой — специальная тема¹⁹. Изучение ее, как и изданий этих служб, вероятно, поможет отыскать не только корреспонденции П. Е. Чехова, но неизвестные автографы Чехова, так как он участвовал в этой общественной деятельности.

В 1898 г. в письме к А. С. Яковлеву (когда-то ученику Чехова, которому он давал уроки; позже, молодому чиновнику, которому он помогал войти в литературу) Чехов написал: «Кем Вы состоите в министерстве земледелия? И я тоже не чужд Вашему министерству, я состою корреспондентом отдела сельскохозяйственной статистики, состою уже давно, так давно, что, кажется, уже имею право на ношение установленного знака (пустой коробки из-под сардин), но правом этим из вольнодумства не пользуюсь» (П., 7, 299). Знаком (Высочайше повеление о нем последовало в декабре 1897г.) и свидетельством на право ношения наградились корреспонденты, посылавшие свои наблюдения не менее 10 лет²⁰. Чехов, как и его отец, имел не такой большой корреспондентский стаж, так что он шутил насчет знака, но в мелиховские годы он не раз упоминал свои метеорологические отчеты.

В конце 1894 г. он упомянул об этом в письме к А. С. Суворину: «Только что составил “сведения” для министерства земледелия, написал почти целую корреспонденцию...» (П., 5, 345, 586). В 1897 г., пребывая в Ницце, он просил сестру в письме домой: «Когда “Отдел сельского хозяйства и статистики” пришлет отчет за 1896 г., то пусть папаша пришлет мне его заказною бандеролью; а также пришлите мне последний бланк “Отдела”, декабрьский, где просят сообщить “итога”; я сам заполню его. Конверта не высылайте, а только сообщите в письме ответы, относящиеся к погоде, чтобы я мог вписать их» (П., 7, 69). Через полтора месяца он обращался в письме к матери: «Передайте папаше, что бланк сельскохозяйственный возвращу на сих днях» (П., 7, 105). В дневнике отца Чехова есть упоминания, что корреспонденции сына, заполненные им в Ницце и пересланные в Мелихово, он отправлял в столицу. Например, 31 октября 1897 г.: «Послано сведение в Отдел статистики в С. Петербург»; 1 декабря 1897 г.: «Из Ниццы <...> листок Статистический Сельскохозяйственный»; на следующий день: «Послан бланк в С. Петербург»²¹.

Мелиховские корреспонденции сына и отца посылались, видимо, до осени 1898 г., вплоть до кончины П. Е. Чехова. Далее эти наблюдения, ввиду пребывания Чехова в Ялте, вероятно, по его просьбе, вела какое-то время М. Ф. Терентьева, молодая земская учительница в только что открывшейся мелиховской школе. В письме из Ялты Чехов напоминал сестре: «Не забыла ты сказать Марии Федоровне, чтобы она записывала температуру и погоду? Пусть она заполняет листки “Отдела статистики” и посылает их от моего имени. Один (из двух) лист прислала бы мне, я писал бы что-нибудь от себя и возвращал бы Марии Федоровне для отсылки в Петербург» (П., 7, 339). Таким образом, бланки, заполненные рукой Чехова, могут отыскаться в делах Министерства земледелия и государственных имуществ в Российском государственном историческом архиве (РГИА) или в другом архиве, где могли оказаться материалы «Отдела сельской экономики и сельскохозяйственной статистики».

В фондах РГИА следует искать документы, которые прольют свет еще на один практически неисследованный факт из жизни Чехова. Он может быть связан с земской деятельностью писателя. Речь идет о причислении Чехова к дворянскому сословию.

Считается, что это произошло в связи с пожалованием Чехову в 1899 году ордена Станислава 3-й степени. С 1855 года пожалование низших степеней этого самого младшего ордена сообщало награжденным только права личного дворянства²². Между тем наградной документ свидетельствует о другом: «Божею Милостью Мы, Николай Второй, <...> Нашему Потомственному дворянину, Попечителю Талежского сельского училища, Серпуховского уезда, Антону Чехову. По засвидетельствованию Министра Народного Просвещения об отличном усердии и особых трудах ваших, Всемиловнейше пожаловали Мы вас, Указом, в 6-й день Декабря 1899 года Капитулу данным, Кавалером Императорского и Царского Ордена Нашего Святого Станислава третьей степени»²³. Выходит, к моменту награждения Чехов уже был причислен к дворянскому сословию. Это подтверждает свидетельство о личности счетчика, выданное Чехову осенью 1896 г.: «Предъявитель сего дворянин Антон Павлович Чехов...»²⁴

Ю. Соболев полагал, что Чехов имел право на потомственное дворянство как окончивший университет и по земельному цензу. В качестве доказательства исследователь приводил два документа, посланные Чехову из Серпуховской земской управы в 1894 и 1897 годах: приглашения на уездные избирательные собрания для избрания гласных²⁵. В них Чехова извещали, что по своему цензу он имеет право участвовать в «первом» собрании. Это важное уточнение, так как в «первом» собрании участвовали только дворяне, а во «втором» — все остальные сословия²⁶. Быть гласным могли — русские подданные, только мужчины старше 25 лет, владеющие в пределах данного уезда определенным количеством земли (в Серпуховском уезде — 200 десятинами, у Чехова было 213 десятин). Основной состав гласных выбирали именно

на «первом» собрании. Чехов избирался в 1894 и 1897 годах. Есть и другие документы, в которых Чехов поименован дворянином. Например, в делах Московского дворянского депутатского собрания, в списке потомственных и личных дворян Серпуховского уезда за 1894 и 1897 годы²⁷.

Ответить на вопрос, когда и на каком основании Чехов был причислен к дворянскому сословию, поможет поиск в архивах: произошло это по формальным признакам или особым пожалованием от Высочайшего усмотрения? Там же могут отыскаться документы, которые прольют свет на награждение Чехова орденом. Оно могло произойти по ходатайству или при содействии Серпуховского земства, как писалось в представлениях — «за весьма полезную деятельность на пользу народного образования».

Зимой 1898 г., получив в Ницце письмо от А. С. Киселевой, которую он знал еще девочкой, с новостью о предстоящем замужестве, Чехов пошутил, рассказывая об этом сестре: «Ее жених, по фамилии Лютер, сделал приписку внизу письма и расписался потомственным дворянином. Я решительно не знаю, что отвечать» (П., 7, 162).

Даже в официальных документах и деловых письмах Чехов предпочитал подпись — врач Чехов, Антон Чехов, Чехов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Глушков С. В. А. П. Чехов и земство (К постановке проблемы // Чеховские чтения в Твери: Сборник научных трудов. Тверь, 2000. С. 5. Автор подчеркивает: «Закономерность возникновения подобной темы исследования настолько очевидна, что возникает вопрос: почему до сих пор ее касались только мельком, только в связи с другими проблемами, представлявшимися более важными».
- ² См.: *Виноградова К. М.* Чехов в Мелихове. М., 1959; *Авдеев Ю. К.* В чеховском Мелихове. М., 1984; *Чайковская К. А.* Мелиховские пожары // Чеховиана. Мелиховские труды и дни. М., 1995;

- Бессарабова Е., Воицнев Н., Сухопяткина И.* «У нас открывается почтовое отделение...» // Альманах. Мелихово. 1998. С. 15–21; *Бирюкова Н.* Развитие народного образования в Серпуховском уезде Московской губернии // Мелихово. Альманах. 2003. С. 211–225; *Разумовская Т.* История Талежской школы // Мелихово. Альманах. 2003. С. 197–210; *Бирюкова Н.* «...Великое спасибо за школу» // Мелихово. Альманах. 2004. С. 218–236; Служение общему благу. Каталог выставки. М., 2004; *Карташов В.* Доктор Чехов и Серпуховская аптека // Чеховский вестник. № 16. М., 2005; *Смирнов Ю. А., Смирнова З. М.* А. П. Чехов в Звенигороде. М., 2011; *Разумовская Т. Н.* Письма П. И. Куркина к А. П. Чехову // Мелихово. Альманах. 2013. С. 149–222.
- 3 См., например: *Герасименко Г. А.* Земское самоуправление в России. М., 1990.
  - 4 См.: *Арефа Н. И.* Положение о губернских и уездных земских учреждениях. СПб., 1892. С. 2.
  - 5 Там же. С. 4.
  - 6 См.: Обзор Серпуховской земской санитарно-врачебной организации за 1894–1895. М., 1895. С. 8.
  - 7 *Короленко В. Г.* Дневник. Т. III. — Полтава, 1927. С. 150, 152, 155.
  - 8 *Ладыженский В. Н.* В сумерки. Из воспоминаний об А. П. Чехове // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1986. С. 216.
  - 9 *Ковалевский М. М.* Моя жизнь. Воспоминания. М., 2005. С. 251.
  - 10 См., например: Обзор Серпуховской земской санитарно-врачебной организации за 1896/1897. М., 1897 (и за 1897/1898 гг. М., 1898).
  - 11 См.: Новое время, 1895, 18 января, № 6785.
  - 12 *Короленко В. Г.* Указ. соч. С. 44–46.
  - 13 См.: Земско-медицинский сборник. Выпуск 11. Московская губерния (с картограммами и планами лечебных заведений). М., 1891; *Оленин А., Самарин Ф.* Сведения о состоянии земских народных училищ Московской губернии в 1892/1893 учебном году. М., 1893; Земско-медицинский сборник. Материалы по развитию земской медицины. Т. 2. М., 1894; Русская земская медицина / Составили: Е. А. Осипов, И. В. Попов и П. И. Куркин. М., 1899 и др.

- 14 См.: Статистический ежегодник Московской губернии за 1895 г. М., 1986.
- 15 Статистический ежегодник за 1898 г. М., 1898. С. 227.
- 16 См.: ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 10. Ед. хр. 1980–1981.
- 17 Мелиховский летописец. Дневник П. Е. Чехова. М., 1985. С. 119.
- 18 Там же. С. 201–202, 238, 239.
- 19 См.: *Михельсон В. А.* Организация средне-русской сельскохозяйственно-метеорологической сети. М., 1896; Обзор деятельности Министерства земледелия и государственных имуществ за третий год его существования (30 марта 1896 — 30 марта 1897). СПб., 1897; Краткий очерк деятельности Ученого Комитета Министерства Земледелия и Государственных имуществ за время с апреля 1894 года по декабрь 1898 года. СПб., 1899; *Броунов П. И.* Краткий очерк деятельности Метеорологического бюро за время его существования. СПб., 1908; *Левинский Ал.* Об организации метеорологической сети в Московской губернии. М., 1911 и др.
- 20 См.: Известия Министерства земледелия и государственных имуществ. СПб., 1898. № 13. С. 193.
- 21 Мелиховский летописец. Дневник П. Е. Чехова. М., 1895. С. 207, 210.
- 22 См.: *Шепелев Л. Е.* Чиновный мир России XVIII — начало XX в. СПб., 2001. С. 348.
- 23 См.: РГАЛИ. Ф. 549. Оп. 1. Ед. хр. 356.
- 24 См.: РГАЛИ. Ф. 549. Оп. 1. Ед. хр. 36.
- 25 См.: Чехов и его среда. Л., 1930. С. 459–460.
- 26 Там же.
- 27 См.: ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 3. Ед. хр. 529. Л. 178 об.